

Рабочая трибуна — 1990. — 5 мая



# Парадоксы Рэя Брэдбери

*По его виду не скажешь, что за этим человеком с красноватым цветом лица, появившимся передо мной в дверях, числится удивительное дело — путешествие по времени. Огкровенно говоря, он несколько толстоват и ростом не вышел. На нем теннисные шорты, на ногах — белые носки и кроссовки, во все его облике не угадывается ничего такого, что говорило бы о глубоком знании им атмосферы стародавних дней иллюзийского лета, ландшафтов, образовавшихся после атомной войны, или золотоглазых марсиан, которые, возможно, подкарауливают ничего не подозревающих пришельцев с Земли.*

**Т**ЕМ НЕ МЕНЕЕ возьмите в соображение тот непреложный факт, что мало кто способен сейчас вообразить себе наш мир без художественной прозы Рэя Брэдбери. Создается впечатление, что он всегда был с нами, что его книги на наших полках никогда не стареют. Ну, разве это не интересно? — как сказал бы сам Рэй Брэдбери.

Этот седой человек, чьи рассказы и романы стали неотъемлемой составляющей американской литературы, говорит, то и дело пользуясь вопросительным знаком. Ему явно приятно, когда я замечаю, что с момента выхода в свет «Марсианских хроник» — а это произошло около сорока лет назад — его язык и воображение увлекли целые поколения молодых читателей. Уже сами названия его книг — «Человек в картинках», «451<sup>й</sup> по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», «Октябрьская земля», «Недобрые гости» — вспоминаются ими с любовью.

Брэдбери прибыл в Нью-Йорк на борту реактивного лайнера, что вряд ли стало бы какой-то необыкновенной новостью, если бы не то обстоятельство, что на протяжении первых шестидесяти двух лет из прожитых шестидесяти девяти Рэй Брэдбери успешно сопротивлялся искушению совершить воздушное путешествие. Однако, сдавшись летательным аппаратам, Брэдбери и по сей день не обзавелся компьютером. И он же, возможно, единственный обитатель Лос-Анджелеса, который так и не выучился водить автомобиль. Сам он объясняет это тем, что ему пришлось видеть во времена его калифорнийского детства.

«У меня прямо на глазах погибли пять человек, — говорит он. — Мне не кажется,

что такие вещи можно забыть, это ведь как на войне, правда? А потом еще — это было в Палм-Спрингз три года назад — я видел, как автомобиль, который шел впереди нас, разнесло в мелкие клочки грузовиком, выскочившим на встречную полосу. Тел так и не нашли. Просто нечего было искать. Интересно, верно? Ну, разве это не интересно? Их всех просто разметало на атомы. И вот, когда пару раз увидишь такое, то тут и скажешь себе: «Не-ет, лучше уж я прижмусь на заднем сиденье и буду потихоньку праздновать труса».

Что ж, никто никогда и не утверждал, что путешественники во времени должны быть бестрепетными.

Одеяние Рэя Брэдбери довершают кричащая рубашка в зеленую и пурпурную полоску и синий пиджак с эмблемой «Отель «Дель-Коронадо». В общем, он совершенно не похож на человека, который, по словам писателя-фантаста и издателя Дэймона Найта, является «поэтом невроза 20-го века... одинокой искоркой совести, бодрствующей в полумночной тьме... взрослым ребенком, который и по сей день помнит, по сей день верит».

Почти сорок лет назад Кристофер Ишервуд и Энгас Уилсон выделили Брэдбери из числа других писателей, назвав его одним из самых самобытных голосов в послевоенной американской художественной литературе. Однако, словно бы в силу какого-то молчаливого соглашения, его с тех пор приписали к жанру научной фантастики и фантазии, но даже и в этой сфере его работа рождает некоторые подозрения. Где, вопрошают пуристы от научной фантастики, пророческая выдумка в духе Артура Кларка, где технико-технологическая

блистательность Айзека Азимова, где мудрая поступь Роберта Хайнлайна?

«Я не существую, — говорит Рэй Брэдбери. — «Нью-Йорк ревью» не желает признавать моего появления на свет. Они ни разу не посвятили мне обзорной статьи. Лет тридцать пять назад «Нью-Йоркер» поместил один такой обзор. «Америкэн сколар» — журнал, который нравится мне больше других, тоже не желает меня признавать. В «Атлантик» была одна статья тридцать лет назад, ничего не могу вспомнить в «Харперз мэгэзин», а в «Сатердей ревью» было всего две статьи. Они не знают, с какого боку за меня взялся. Да я и сам не знаю, что является определяющим в моей работе, ведь мне нравится столь многое».

Он говорит все это безо всякой горечи. Рэй Брэдбери давным-давно примирился с таким к себе отношением. Он полагает, что от других писателей-фантастов его более всего отличает богатство его прозы и разнообразие сюжетов.

«Лет тридцать пять, а может, и тридцать шесть назад я встретился с Олдосом Хаксли, — говорит он. — Мы с ним посидели за чашкой чая. Познакомил меня с ним Кристофер Ишервуд. Это был чудесный момент в моей жизни. К этому времени я уже на протяжении многих лет восхищался творчеством Хаксли. И вот Хаксли посмотрел на меня и сказал: «Вы знаете, кто вы?». Я говорю: «И кто же я?». А он отвечает: «Вы — поэт».

Рэй Дуглас Брэдбери родился в августе 1920 года в городе Уокерген, что в штате Иллинойс, и уже в возрасте 12 лет решил стать писателем. Его отец, работавший в одной из электрических компаний, пал жертвой Великого кризиса, и к тому времени, когда Рэй собрал вещички и перебрался в Лос-Анджелес, уже несколько лет был безработным.

Рэю было тогда 13 лет, и встреча с Лос-Анджелесом обернулась любовью с первого взгляда. Он болтался вокруг киностудий, пачками покупал комиксы, журналы научной фантастики, сценарии радиопьес, а в старших классах недолго переписывался с Эдгаром Берроузом.

Окончив школу и не имея возможности заплатить за учебу в колледже, Брэдбери стал работать разносчиком газет и одновременно занялся самообразованием, записавшись в библиотеку. «В библиотеке просто сходишь с ума от жадности, — говорит он теперь, — и уж если что-то прочитаешь, то это навсегда. Влюбляешься в Чарли Диккенса, влюбляешься в Эвелин Во и в Джона Коллиера, и веришь им безоголосно». Ему был 21 год, когда он запродавал первый свой рассказ в один из малоизвестных журнальчиков, а к середине 40-х годов он уже писал радиопьесы для таких программ, как «Сейчас будет страшно» и «Побег». В 1947 году он опубликовал «Мрачный карнавал» — первый свой сборник коротких рассказов.

Через три года в свет вышла «Марсианские хроники».

Было продано несколько тысяч экземпляров книги, и спрос позволил перейти к переизданиям. Когда в 1951 году появилось первое издание в мягкой обложке, оно разошлось в количестве 90.000 экземпляров, загипнотизировав первую волну того поколения, которому будущее представлялось таким же опасным, как водородная бомба. С тех пор «Хроники» разошлись в четырех миллионах экземпляров.

Читатель старшего возраста возвращается к «Марсианским хроникам» и обнаруживает новую грусть в рассказе «Илла», восхищается зловещим иносказанием, которое использует Брэдбери, рассказывая о ликвидации первой экспедиции с Земли на четвертую планету, и новыми глазами смотрит на «Третью экспедицию», воспринимая этот рассказ как, возможно, крайнее выражение фатальной ностальгии. Читатель, возвращающийся к этим знакомым вещам, в особенности поражается тем, что в книге отобразены и Хиросима, и холодная война, и «красная угроза», да и другие события, что заставляет прийти к выводу, что даже Брэдбери не смог отойти от животрепещущих проблем своего времени.

Дж. ФРЭНК.  
[Из газеты «Интернэшнл геральд трибюн», Париж].